

Хорошо, когда в театре бьют форточки

Десять лет назад в труппе театра имени Вахтангова появилась молодая актриса и сразу сыграла главную роль в спектакле «Зойкина квартира». Сейчас на счету Юлии Рутберг множество театральных ролей, она известна по популярной телепередаче «Субботний вечер с...», ее называют одной из ведущих актрис российской сцены.

— Юля, вы родились в актерской семье, ваш отец Илья Рутберг — известный мим-режиссер. Казалось бы, вам надо написано стать актрисой. Тем не менее я знаю, что путь на сцену у вас был совсем непростым...

— Актрисой я мечтала стать, как и все девчонки, и в школе очень много этим занималась. Мы ставили спектакли, выпускали свой литературный журнал, в который писали стихи и рассказы. Поставили, например, спектакль про декабристов, в нем была использована музыка Рахманинова, а инсценировку написали сами. Ставили Маяковского «Я сам» и даже играли в музее Маяковского. Репетировали «Гамлета». Нашим безусловным лидером был Саша Басов, сын замечательного режиссера и актера Владимира Басова, настоящий гений, по-моему. В общем все было замечательно, и после школы я, естественно, решила поступать в театральный. И... меня куда не принимали. Одним махом мне отказали все мои кумиры: Ефремов, Васильев, Эфрос. Анатолий Васильев даже сказал: «В вас нет ничего актерского. Вам вообще нельзя заниматься этой профессией». Все! Финиш! Удалось все же поступить на эстрадный факультет ГИТИСа. Что-то во мне увидели Шаров и Бритаева.

Но я мечтала о Щукинском училище. Полгода со мной занимался Игорь Минаев, мой добрый ангел, он там же учился на третьем курсе, и мы подготовили большую программу. Благодаря его вере и терпению, меня заметили Шлезингер, Катин-Ярцев и Казанская. Эти люди и решили мою судьбу.

— Несмотря на «приговор» Васильева?

— Получается так. Наверное, я очень хотела попасть в Щукинское, и это желание оказалось сильнее того, что мне мешало.

— Какая из ролей в училище вам запомнилась?

— Были роли, которые во мне «поселились». Роль Таксы. Это была пьеса Сергиенко «До свидания, овраг» про

стаю брошенных собак, обреченных на уничтожение. Я в этой стае играла похилую, безнадежно влюбленную, интеллигентную Таксу. Там была потрясающая, абсолютно чеховская сцена, где мы играли вместе с Алексеем Лысенковым (он исполнял роль Фокстерьера), — дети и взрослые плакали. Ставили этот спектакль Буров и Николаенко. Честно говоря, сейчас мне очень не хватает чего-то такого, нынче в театре редко плачут. Но это скорее наша беда — актеров и режиссеров. Все так увлеклись костюмами, эффектами и музыкой, что человек просто тонет во всем этом «гарнире». А с другой стороны, я вспоминаю, что говорила по этому поводу Фаина Георгиевна Раневская: «Я вам скажу, в чем главная беда современного театра: халтурщиком стал зритель! Он позволяет актеру делать на сцене Бог знает что и ходит в театр на что попало!»

— Насколько я помню, и ваш учебный спектакль «Зойкина квартира» пользовался огромным успехом?

— Его даже называли вторым «Добрый человек из Сезуана» — вся Москва ходила. Несколько раз в дни этого спектакля около училища даже стояла милиция. Для меня эта работа была многоступенчатой. Сначала роль китаяца — торговца наркотиками, потом жлобаватая жена партаппаратчика, потом — декадентствующая поэтесса, а потом Зойка, но это уже в театре Вахтангова, где спектакль имел большой успех у зрителя и у критики. На нем заявило о себе наше поколение: Максим Суханов, Женья Князев, Сергей Маковецкий, Михаил Васильев, Ольга Чиповская, Елена Сотникова... Там вообще не было «маленьких» ролей!

— А как вы попали в театр Вахтангова?

— Судьба! Все шло к тому, чтобы я работала в Центральном детском театре. Представьте: утром мне позвонили оттуда, сказали, что начинают репетиции двух спектаклей и подтвердили мое участие в обоих. Вдруг зво-

нок из театра Вахтангова: срочно приехать с паспортом! Оказалось, Черняховскому разрешили ставить «Зойкину квартиру». Ни минуты не размышляя, в три часа дня я подписала распределение. После этого выпила бутылку пива, а вечером наш курс смотрели в «Современнике». Не знаю, может от выпитого пива или на нервной почве, но когда Волчек спросила меня: «Девочка, хочешь работать в «Современнике»?», я начала реветь. Выдержать это — чтобы в один день три таких предложения — человеку невозможно! Это не менее трудно, чем везде провалиться.

— Не жалеете о своем выборе?

— Я сказала: судьба! Именно в Вахтанговском я встретила с такими замечательными режиссерами, как Черняховский, Виктюк, Фоменко. Я была счастлива приходить в этот театр, хотя нагрузка была громадная: мы выпускали по две премьеры в год, и при этом играли по 24 спектакля в месяц! И потом здесь мой учитель, мой друг Алла Александровна Казанская. Здесь только щукинцы!

— И все эти годы продолжалась идиллия?

— Идиллии не было никогда. Происходит естественная борьба. Борьба между Вахтанговским вчерашним и Вахтанговским сегодняшним в поисках вечного. Дело не во врагах и друзьях, а в отцах и детях.

— Сегодня вы член художественного совета театра. Ваши цели?

— Я призываю идти в будущее, двигаясь назад. Мне нравится, как играли Плотников, Мансурова, Рубен Симонов, Астангов, Щукин, Лукьянов, их яркость, образность, невероятное мастерство, изобретательность. Дело даже не в школе, это были личности.

— Когда-то попасть в театр Вахтангова было очень трудно. Какая сейчас ситуация со зрителем?

— Четыре года назад мы пережили страшный момент, когда в зале на 1200 мест

было всего 150 человек. Сейчас, слава Богу, другое. На спектакль «Я тебя больше не знаю, милый» люди даже пытались попасть через окно, форточку разбили. Администраторам положено было сердиться, но они радовались — аншлаги!

— Что вы сейчас репетируете?

— «Амфитрион» Мольера с Владимиром Мерзоевым, господина N в «Горе от ума» с Фоменко. Есть еще несколько проектов. Не буду говорить, я суеверна.

— Расскажите о своей семье.

— У меня растет сын Гриша, скоро ему исполнится 11 лет. Мой муж — Алексей Кортнев, музыкант, солист группы «Несчастный случай». Мы с Алешей живем как два казака-разбойника: он работает 22 часа в сутки, я — 22 часа. Эти редкие два часа, которые мы вместе, и есть счастье.

— И никаких бытовых проблем?

— Из пирогов и борща мы проблемы не делаем. У нас в меню есть завтрак № 1 — йогурты, завтрак № 2 — блинчики и завтрак № 3 — яичница. Но, конечно, я живу в реальном мире. Когда по контракту в театре Станиславского получаю 200 тысяч рублей за спектакль, а в театре Вахтангова — 200 тысяч рублей в аванс, мне хочется спросить: «Сколько я вам должна?» Жизнь сложная: семья, деньги. Я не понимаю тех, кто осуждает актеров: «Как можно сниматься в сериалах!» Сейчас даже звезды снимаются в рекламе. Что, они стали от этого хуже? Просто проблема творческого выбора превратилась в проблему выживания. Но я, к счастью, занимаюсь только своим любимым делом — театром. Спасибо Алеше — он дает мне такую возможность.

— Юля, вы однажды сказали, что в вас есть что-то от «смешной девчонки» Барбры Стрейзанд. Расскажите что-нибудь забавное из актерской жизни.

— В Щукинском училище мы обслуживали спектакль четвертого курса — «Двенад-

цатую ночь». Максим Суханов должен был произнести шекспировские строки, обращенные к Оливии (ее роль исполнила Даша Михайлова): «Пади, мой агнец, под удар клинка! Воронье сердце в перьях голубка». Я держу какой-то меч на сцене, а Максим произносит: «Пойдем, мой агнец...» Забывает текст, начинает вращать глазами и произносит: «Под атам квава!» Так он заполнил ритмом забытые строфы. «Атам квава» подействовала на зрителей завораживающе, в зале повисла гробовая тишина. От смеха я чуть не уронила меч.

— Только студенты попадают в подобные ситуации?

— Конечно, нет. В вахтанговском спектакле «Гибель эскадры» были заняты все мужчины театра и студенты училища. На сцене — Плотников, Гриценко, Ульянов, Яковлев. В роли мичмана — молодой актер Пичугин. В финальной сцене он должен был подойти к Плотникову и произнести: «А вы, господа, снимайте штаны, делайте из них паруса и дуйте отсюда!» Пичугин, который до этого старательно учил текст, подходит к царственному Плотникову и от волнения произносит: «А вы, господа, снимайте ТРУСЫ, делайте из них ПАРУСЫ, и вдуйте один другому!» После такого монолога он на ватных ногах ушел за сцену и упал без памяти. А «гибнущая эскадра» в количестве 45 человек начала рыдать от смеха.

— Вы довольны своей актерской судьбой?

— У меня судьба сложилась фантастически. Я понимаю, что принять меня в театр было проявлением мужества и мудрости. И благодарю Ульянова, Шалевича, Шлыкова, Ковалева и, конечно, Казанскую за то, что они за меня боролись. Вначале я смотрелась немножко «гадким утенком» среди «белых лебедей». Как мне было жить в этом императорском театре? И вдруг первая роль — главная! Сейчас в это даже трудно поверить...

Встречалась
Лариса ТОКАРЬ.

